

ЭТНОГРАФИЯ

Т.И. Ведерникова

МОЛОДЕЖЬ В СИСТЕМЕ НАРОДНОЙ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ
ВЕСЕННЕ-ЛЕТНЕГО КАЛЕНДАРНОГО ЦИКЛА

(НА МАТЕРИАЛЕ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ)*

В постсоветском российском обществе остро встали проблемы воспитания и духовно-нравственного развития молодого поколения. В связи с этим изучение богатого опыта предшествующих поколений и ориентация самой молодежи на традиционные ценности сегодня представляются весьма актуальными.

Фундаментальные разработки, анализирующие молодежь как социо-демографическую группу в системе традиционной культуры крестьянской общины, в конце XX – начале XXI в. были осуществлены Т.А.Бернштам и М.М.Громыко¹. Однако их исследования не рассматривают региональных традиций Среднего Поволжья. Сегодня в связи с наметившимися в Самарском крае тенденциями развития новой волны молодежного фольклорного движения², ориентирующегося на изучение местных фольклорных традиций и их транслирование в современное молодежное общество, представляется актуальным и востребованным изучение региональной специфики обрядового фольклора в традиционной культуре сельской молодежи.

Обрядовые традиции Самарского края в целом стали предметом научных интересов автора более 30 лет назад, результаты их частично опубликованы в учебном пособии³, однако в данной работе впервые предпринята попытка подойти к теме с позиции молодежной субкультуры.

Молодость, или «хороводный» период в жизни человека, согласно народной философии, обозначена временными рамками – от полового созревания (совершеннолетия) до свадьбы. Считалось, «молодежь должна успешно выполнять свою основную социальную задачу – нормальный переход в полноценное взрослое состояние... Образ жизни в течение «перехода» носил повсеместно в России название «игра», указывающее на его сакральный характер»⁴.

Годовой цикл обрядов и праздников, в которых участвовала молодежь, в научной литературе принято делить на весенне-летний и осенне-зимний; в данной работе мы рассмотрим первый из них. Основными источниками нашего исследования явились полевые материалы, собранные автором в ходе этнографических экспедиций 1987 – 2013 гг. в сельские районы Самарской области.

Первые выходы «на улицу», «в хоровод» в Самарском крае, как и повсеместно в России⁵, начинались на неделе после Светлого Христова Воскресения. Всю пасхальную неделю девушки и парни качались на качелях, водили хороводы, устраивали всевозможные игры и пляски, пели веснянки. К сожалению, специальных песен, приуроченных к этому празднику, в Самарском крае встретить и записать не удалось.

На Красную Горку вся молодежь в русской и мордовской среде устраивала магический обряд катания яиц. Выход на улицу катать крашенные яйца был своего рода законом народной культуры. Девушку, не вышедшую на улицу, могли осмеять, придумать ей различные прозвища. Даже в самом голодном для степного Поволжья – 1921 году – не выйти катать яйца казалось страшным грехом. По информации, полученной в с. Коноваловка Борского района, ситуация характеризовалась следующим образом: «Как это я, молодая девка, не пойду катать яйца? Да меня засмеют, «келейницей» назовут... Только вот мама для игры даст одно яйцо, в хорошие-то годы мы их штук по 10 набирали... На кон его ставишь, руки-ноги дрожат...»⁶. В русско-мордовских селах Коноваловка, Захаровка, Благодаровка Борского района для катания яиц из коры дерева и речного песка изготавливали своеобразные мячики (оска – у эрзи, топа – у мокши) в форме консервной банки, обшитой тканью. С их помощью выкатывали яйца из ряда яиц, выставленных «на кон» каждым из участников обряда. Играли прямо на улицах. В русской среде ярко одетая молодежь яйца катала на возвышенностях – пригорках, выкатывали с помощью одного яйца, разгоняя и направляя его по деревянному лотку.

В самом действии катания яиц по земле (на траве, на пригорках) просматривается аграрная магия, направленная на обеспечение плодородия земли и плодородящую силу молодых людей. Пасхальные яйца в массовом сознании служили символом новой жизни и обновления мира.

Следующий «переходный» блок календарного цикла тесно связан с семицко-троицкой обрядностью, обозначенной в народной культуре культом предков – поминовением «родителей» в Семик, или в субботу перед Днем Святой Троицы, а также – культом растительности и символом русской природы – березой.

К Троице все село украшали: около домов устанавливали срубленные деревца берез, березовую лозу вешали в красный угол под образа, в храмах и избах на пол стелили свежую траву. Вместо березы использовали и другие растения, – к примеру, в Усолье на Самарской Луке – орешник; в степных Алексеевском и Большечерниговском районах – ветлу.

Семик и Троица считались девичьими праздниками, хотя в них принимали участие и молодые женщины. Особую роль играли девушки, впервые выходявшие в «хоровод». Для них это был обряд «инициации», связанный с половым созреванием, переход из категории «девочки» в категорию «девушки». К выходу в хоровод заранее готовились, учились танцевать. Так, по информации старожилов с. Сосновый Солонец на Самарской Луке, «девка из-за печи-то не выйдет, пока дробить не научится...»⁷. Кадрили из 12 коленец танцевали на трех общественных площадках у села, соответствующим трем колхозам, существовавшим в 1930-е гг.

В Семик девушки шли в лес «завивать» березу, сплетая березовые прутья в венки, связывая их лентой. При этом пели песни, водили хороводы:

Становились во кругу, Поклонились Семику;
Ой-лю, ой, лю-лю, Березоньку я завью (с. Тяглое Озеро Пестравского р-на).

Венки оставляли на березах на 3 дня – до Троицы. Рано утром в Троицын день девушки, одетые в «новинку» (сшитую для праздника одежду), собирались: «Еще солнце не взойдет, бежим дружка по дружке, зовем венки смотреть». С собой несли продукты для яичницы и каши. Прежде всего, бежали к венкам, – по их состоянию определяли жизнь на предстоящий год: если веноч зеленый и не завял – все будет хорошо, при наличии желтых листьев в венке можно было ожидать каких-то неприятностей (болезнь, ссоры, расставание с любимым и т.п.).

Особую тему в троицкой обрядности представляло «кумление»: две девушки, решившие покумиться, обменивались друг с другом небольшими подарками и целовались через веноч. С этого времени на целый год они становились самыми близкими подругами.

В Троицу весь день молодежь гуляла около берез: на кострах варили кашу, жарили яичницу «вскладчину», водили хороводы, пели хороводные песни. К вечеру срезали венки с берез, шли по селу к водоему (реке, озеру), распевая лирические песни. Венки пускали на воду, гадали: веноч прибьется к берегу – девушка выйдет замуж, поплывет по течению – замужество не состоится; утонувший веноч в разных случаях расценивался либо как замужество, либо как беда (болезнь и даже смерть).

В народной традиции вся следующая за Троицей неделя связывается с проводами весны и встречей лета. В Самарском крае этот обряд перехода времен года принято называть «похоронами» весны. По мнению Д.К. Зеленина, «в обрядах Семика и Троицы мы видим смешение двух культов – культа растений и культа заложных покойников, запоздалое погребение которых раньше происходило именно в Семик»⁸. Н.Н. Велецкая считает архаичные явления славянской календарной обрядности тесно связанными с культом предков и аграрными культурами. Структура традиционных обрядов, их символика, функциональная сущность обусловлены представлениями о мире предков, взаимосвязи его с миром живых, о воздействии предков на земную жизнь потомков. По ее мнению, для понимания наиболее архаичных явлений особенно важен комплекс представлений о смерти, как форме перехода в «иной мир», путях и способах этого перехода, извечного кругооборота перевоплощений. В этой связи особое значение в осмыслении календарных обрядов «перехода» отводится обрядовой кукле – антропоморфному изображению умерщвляемых «стариков», ассоциируемых с уходящим временем года, и отправлению их «на тот свет»⁹.

Художественные образы весны в мифологическом народном сознании связывались с биологическим существом, от которого зависело рождение плода, но выращиванием (воспитанием) его (условно) занималось лето. Так, в ряде центральных губерний России проводы весны назывались «проводами кукушки», «похоронами Костромы». В с. Рождествено Волжского района Самарской области хоронили рыбу «чехонь»; в д. Федоровка Богатовского р-на – коня. В селе Падовка Пестравского района на Троицу бытовал игровой хоровод «Костромушка, Кострома»: «Участники брались за руки, образовывали круг. В кругу сидит девушка, а головой на коленях у неё лежит другая – Кострома. Все поют «Костромушку», потом девушка из круга подходит, спрашивает: «Костромушка жива?». Первая девушка отвечает за Кострому: «Голова болит» или «Живот болит», или «В баню пошла» и т.д. Снова поют «Кострому». Последний ответ: «Зажила голова», или «Жива». Все радуются и начинают «тутошкать» Кострому, т.е. качать или подкидывать её на руках. Последним ответом также могло быть: «Умерла». Тогда со смехом, «плачем» и криками несли «хоронить» Кострому»¹⁰.

Обязательным атрибутом характеризуемых обрядов было антропоморфное изображение весны в виде куклы, пугала (пужала – мест.). Так, в селах Жигули, Сосновый Солонец, Аскулы Ставропольского района бревно, обмотанное травой, наряжали в новые, купленные вскладчину, рубаху и штаны, создавая мужской образ, однако на голову прикрепляли веноч из цветов – «пугало» изображало собою весну. Его носили по улицам, при этом молодежь рядилась в «барина с барыней» и «старика со старухой», представляющих в обряде «перехода» оппозицию – «старое-молодое». Голосистые девушки причитали:

Милая ты моя веснушка, Не уходи ты от нас,
Не оставляй ты нас, Мало ты с нами побыла,
Мало ты нас, веснушка, потешила, Мало ты нам, веснушка, дала понежиться,
Не уходи ты от нас, веснушка! (с. Жигули Ставропольского р-на).

В песнях, приуроченных к проводам весны, слышны похоронные причеты:

Разлебедушка ты мой,

А друг ты мой миленький,

С кем ты эту думушку думал...

Или: *Уж ты, веснушка-весна,*

Ты не радостна прошла,

Ты не в радости, не в чести,

Во великой сухоте... (с. Сосновый Солонец Ставропольского р-на).

Наряженную «весну» топили в воде; обратно шли, пританцовывая под аккомпанемент мандолин, балалаек, гармошек, на площадку около села, здесь гуляли, встречая таким образом лето.

Характерной сюжетной линией троицких песен является образ девичьей воли: «Катенька-Катюша, печальное сердце, что тужит-горюет о прежней волюшке», «Прощай, жизнь, радость моя» и т.д.

В д. Федоровке Богатовского района в Троицын день впереди процессии носили наряженную куклу и украшенную лентами березку, за ними вели коня, которого изображали двое мужчин, согнувшихся под пологом (брезентовым покрывалом). Впереди идущий мужчина на шесте нес настоящую конскую голову. Процессия обходила всю деревню и направлялась к роднику в центре селения, здесь разбирали «коня», в воду бросали березку, таким образом расставаясь с весной.

К.Г. Евлентьев, путешествуя в XIX в. по Заволжью, оставил следующее описание весенних праздников, наиболее широко отмечаемых в Бузулукском уезде: «На Пасху молодежь собирается под круглыми качелями или идет на гору играть в горелки и в мяч. Когда начнут распускаться деревья, то девушки собираются на улице в хороводы: за два дня до Троицы девицы ходят в лес завивать на дереве венки, а в самый Троицын день развивают их; причем несут с собой яичницу, навязывают на дерево ленты, садятся под него в кружок, едят яичницу и поют песни; потом срывают с этого дерева большую ветку, перевязывают на нее ленты и с песнями возвращаются»¹¹.

Свою версию «Похорон чехони» в г. Самаре в начале XX века представил К.П. Головкин: «Чехоня – это волжская рыба из породы селедок – «волжская селедка». Рыбаки относятся к ней с пренебрежением, и, пойманную сетями, обыкновенно выбрасывают обратно в воду. Первое воскресенье после Троицы (Заговение) с давних пор жителями Самары празднуется довольно своеобразно, называя этот день «Похороны чехони». Обыкновенно захватив с собою самовар, закуски и, главным образом, достаточное количество выпивки, обыватели едут на лодках на целый день куда-либо за город на острова на ту сторону по Волге и по Самарке, а некоторые в Постниковскую рошу, у Постникова оврага. Возвращаются довольно поздно, будучи изрядно навеселе, а иногда и сильно помятыми. Обычай именно так справлять этот день объясняет следующее предание, а может быть и был. Когда-то давно, весной, во время разлива Волги, по ней вверх двинулось большое скопище волжской селедки, которая здесь называется «чехоней». В это время вода спадала, и огромное количество рыбы осталось на сухом берегу. Рыба стала гнить, разлагаться и угрожать болезнью. Администрация привлекла местное население к работе зарыть, «похоронить» испортившуюся рыбу в землю, а вместо платы деньгами расплату произвела водкой. Люди были крайне довольны. Событие это случилось как раз в первое воскресенье после Троицы, в Заговенье, и осталось в памяти народа как приятное воспоминание, а праздник стали повторять каждый год, что с течением времени вошло в обычай. Теперь уже жители не доискиваются причин и первоисточника его, а просто каждый год по-своему весело справляют этот день, уезжая на лоно природы»¹².

Неделя после Троицы традиционно носила название русальной. По мнению Д.К. Зеленина, «по русалкам также устраивают торжественные поминки, нередко превращающиеся в настоящие похороны: русалку в виде соломенной куклы топят, сжигают, выбрасывают... В число обрядов, связанных с русалками, входит также изгнание русалок как чего-то нечистого и вредоносного из деревни. В обрядовых народных песнях поется о том, что русалок изгоняют из деревень в леса, чтобы они не причинили вреда человеку, посевам и скоту. Перед изгнанием русалок для них устраивают в лесу всевозможные увеселения: для того чтобы они могли качаться, что им очень нравится, вешают на деревья особые венки, устраивают для них в лесу или у воды угощение, кумятся с ними около свитых вокруг деревьев венков и т. д.»¹³.

Семицко-троицкая обрядность повсеместно в России связывалась с водой; в Самарском крае это можно обнаружить даже в самом упрощенном варианте. Так, по информации пожилой молоканки с. Патровка Алексеевского района¹⁴, на Троицыной неделе молодежь «русалилась»: «Из колодца воду нальем в корыто, из корыта в ведро, кто кого догонит, тот того и обольет». Чаше такой обычай ритуального обливания водой в информации сельских старожиллов приурочен к дню Ивана Купалы: стоя у колодца или сидя в доме у окна, держали наготове холодную воду и ждали прохожего, которого обливали со смехом и шутками, при этом «никто не обижался».

На Ивана Купалу, если долго не было дождя, ходили на родник, где разворачивалось шумное действо – обливание друг другом родниковой водой. Это можно приравнять к обряду вызывания дождя

или молениям о дожде, которые устраивались летом в мордовских селах. Трансформировавшаяся из язычества в православие мордовская традиция выражалась в хождениях «по хлебам» с иконой и водой из родника, обрызгивании полей зелеными ветками и последующих молениях у воды или на старых кладбищах. Подобные описания типичны для русско-мордовских селений Коноваловка Борского района, Съезжее, Виловатое Богатовского района, Шелехметь Волжского района.

С Петрова дня (29 июня / 12 июля) в трудовой жизни сельского населения начинался сенокос. К нему особо готовились – девушки шили новые покосные рубахи. Песней сопровождалась работа: пели лирические и трудовые песни, где прославляли солнце, природу, растительность.

Таким образом, обрядовая культура молодёжи Самарского края обладает чертами, присущими общерусской традиции, развивающейся по пути упрощения, утраты семиотической основы, распространения «поздних» вариантов обрядов. Локальная специфика фольклорного материала связана с вторичной традицией, сформированной в ходе аграрного освоения региона в XVIII – XIX вв. переселенцами из «внутренних» губерний России, их межэтническим культурным взаимодействием.

Примечания:

¹ Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. – Л.: Наука, 1988; она же. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: учение и опыт церкви в народном христианстве. – СПб.: Петерб. востоковедение, 2000; Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. – М., 1986; она же. Мир русской деревни. – М.: Молодая гвардия, 1991.

² Ведерникова Т.И. Современное «молодежное фольклорное движение» в социокультурном пространстве г. Самары // Традиционная народная культура как фактор формирования единого социокультурного пространства: материалы межрег. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Челябинск, 5 декабря 2013 г.) / отв. ред. А. А. Суслов. – Челябинск, 2013. С. 33 – 38.

³ Ведерникова Т.И. Календарно-обрядовый фольклор // Русские Самарского края: история и традиционная культура. Учеб. пособие. – Самара, 2007. С. 148 – 167.

⁴ Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни... – С. 231.

⁵ Громыко М.М. Мир русской деревни... – С. 231 – 234.

⁶ МЭЭ 1996 г. Борский район Самарской обл. / Личный архив автора.

⁷ МЭЭ 1995 г. Ставропольский район Самарской обл. / Личный архив автора.

⁸ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М., 1991. С.394.

⁹ Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. – М., 2003. – С. 197-198.

¹⁰ Носков А.К. Деревня, деревнюшка: русские народные песни, записанные в селах Пестравского района Самарской области в 1965 - 2007 гг. - Самара, 2008. С. 512.

¹¹ Евлентьев К.Г. Путевые заметки из поездок по Заволжью в 1851 - 1854 гг. // Записки Казанского Экономического общества. 1854. – Ч.1. Кн.2. – С. 25.

¹² Головкин К.П. Похороны чехони // Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 3. Головкин К.П. Самара в конце XVIII – начале XX вв. (краеведческая картотека) / под науч. ред. П.С. Кабытова и Э.Л. Дубмана. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. С. 303.

¹³ Зеленин Д.К. Указ. соч. – С. 419 – 420.

¹⁴ Ведерникова Т.И. Молоканские общины Самарского края в XIX – XXI вв. // Этнокультурные процессы в прошлом и настоящем. К юбилею докт.ист.наук, проф. К.И.Козловой. Сб. науч. ст. / отв. ред. А.А.Никишенков – М.: Изд-во МГУ, 2012. С.42 – 52. – (Труды исторического фак-та МГУ; вып. 57. Сер. 2, Исторические исследования, 22). – 346 с.

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках регионального конкурса «Волжские земли в истории и культуре России». Проект № 1314-63004 «Феномен молодежной культуры в традиционном песенном фольклоре Самарской области».